

УДК 323

DOI: 10.34670/AR.2026.59.88.009

Теоретико-методологические аспекты принятия политико-административных решений в Российской Федерации

Мельников Евгений Михайлович

Аспирант,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: melproject@mail.ru

Аннотация

В статье систематизируются теоретико-методологические подходы к изучению принятия политико-административных решений в Российской Федерации. Обосновывается, что теория принятия государственных решений носит междисциплинарный характер, интегрируя положения политической науки, теории управления, права и экономики. Показано, что отсутствие унифицированной методологии обусловлено прикладной природой объекта. Выделены семь форм воздействия государства на объекты управления (от влияния до антикризисных действий). Раскрыта уровневая структура целеполагания: политический, макроэкономический и организационно-административный уровни. Впервые в рамках статьи обобщённо представлены латентные (полутелевые и теневые) механизмы принятия решений в российской системе государственного управления, выявлены их функции и риски. Предложена сравнительная таблица различий политической и управленческой подсистем. Сделан вывод о необходимости сочетания институционального, сетевого и темпорального анализов для адекватного описания российской практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Мельников Е.М. Теоретико-методологические аспекты принятия политико-административных решений в Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 78-88. DOI: 10.34670/AR.2026.59.88.009

Ключевые слова

Принятие государственных решений, политико-административные решения, уровни принятия решений, латентные механизмы, институты, публичная политика, государственное управление, Российская Федерация, методология исследования, управление рисками.

Введение

Принятие государственных решений является центральным звеном политического и административного управления. В Российской Федерации этот процесс приобретает особую сложность в силу федеративного устройства, разнообразия региональных практик, высокой роли неформальных взаимодействий и динамично меняющейся внешнеполитической и экономической конъюнктуры. От эффективности принимаемых решений напрямую зависят благополучие граждан, устойчивость национальной экономики и легитимность правящего режима.

Несмотря на обилие эмпирических исследований, до сих пор сохраняются нерешённые теоретико-методологические проблемы. Как отмечает А.И. Соловьев, методология изучения теории государственных решений обладает внутренней диверсификацией и носит неструктурированный характер [Соловьев, 2006]. Отсутствует единое понимание ключевых категорий («государственное решение», «политическое решение», «административное решение»), не выработан универсальный инструментарий для анализа уровней, акторов и латентных механизмов целеполагания.

Цель настоящей статьи – проанализировать теоретико-методологические основы и обосновать уровневую сегментацию принятия политико-административных решений в Российской Федерации. Методологическую основу составили диалектический, системный, структурно-функциональный, институциональный методы, а также метод кейс-стади и социологический подход.

Основная часть

Формирование теории принятия государственных решений в западной науке прошло несколько этапов. Первые исследования (Ч. Линдблом, Г. Саймон) опирались на бихевиоралистскую методологию, фокусируясь на ценностях, мотивах и установках лиц, принимающих решения (ЛПР). Системный подход позволил интерпретировать управленческие циклы и фазы принятия решений. Из макро- и микроэкономики были заимствованы принципы «выгод – издержек», теория рационального выбора.

Важную роль сыграла философия прагматизма Дж. Дьюи, предложившего теорию «решения проблем» (problem-solving), которая стала основой для разработки моделей политико-управленческих циклов. Когнитивистский подход, напротив, акцентирует внимание на иррациональной природе решений, обусловленной психологической уравновешенностью, системой ценностей, установками и когнитивными искажениями ЛПР.

Менеджеральный подход (Г. Саймон, позднее – концепция нового государственного управления – New Public Management) рассматривает принятие решений как универсальную функцию управления, применимую к любым организациям – государственным, частным, некоммерческим. Г. Саймон в работе «Новая наука управленческих решений» обосновал необходимость создания административной теории, объединяющей принципы эффективности, ограниченной рациональности и организационного равновесия [Саймон, 1992]. Критики менеджерального подхода (в частности, российские исследователи) указывают, что он нивелирует специфику государства как носителя властных полномочий и публичных ценностей.

В России сложились два ведущих направления. Политологическое направление (А.А. Дегтярев, В.Н. Амелин) рассматривает теорию принятия политических решений как политико-

управленческую науку, изучающую на мультидисциплинарной основе механизмы и закономерности публично-государственной политики [Саймон, 1992]. Дегтярев включает в структуру этой теории политический анализ, принятие политических решений и политический менеджмент.

Управленческое направление (А.И. Соловьев) делает акцент на интеграции универсальных черт целеполагания (присущих любому социальному актору) и сущностных характеристик государства – особого взгляда на проблемы, внутреннего строения, специфических механизмов проектирования и реализации целей [Соловьев, 2006; Соловьев, 2009]. Соловьев предостерегает от абсолютизации «политического», указывая, что в судебном делопроизводстве или размещении ценных бумаг политика имеет опосредованное отношение. В то же время рассмотрение экономических проблем (пенсионная реформа, бюджетный процесс) через политическую оптику позволяет выявить скрытые причинно-следственные связи.

А.А. Дегтярев, напротив, ставит знак равенства между государственным и политическим решением, что сближает его позицию с американскими учеными (И. Дрор, Г. Лассуэлл). И. Дрор выделяет четыре метагруппы наук, питающих теорию принятия государственных решений: традиционные (история, право, математика), социальные (социология, политология, экономика), новые междисциплинарные (системный анализ, менеджмент) и абстрактные (философия, этика) [Дрор, 2004].

Главное противоречие современного этапа заключается в том, что междисциплинарность, будучи сильной стороной теории принятия государственных решений, одновременно препятствует созданию единой методологической основы. Как обоснованно отмечает Д.В. Домрачев [Домрачев, 2016], процесс принятия решений в государственном управлении представляет собой динамическую систему, состоящую из фаз и субфаз, которые могут быть непоследовательны, испытывать влияние темпоральных факторов (затягивание или форсирование), а также зависеть от типа политического режима. В демократиях больше центров принятия решений и альтернатив; в авторитарных системах доминирует единственный центр, государственные акторы.

Теория принятия государственных решений находится на стыке фундаментальной политической теории и сравнительной политологии; её дальнейшее развитие требует не унификации, а разработки контекстуально-чувствительных моделей, учитывающих комбинацию политических, экономических, правовых и культурных факторов.

Государство отличается от других социальных институтов особыми формами воздействия на объекты управления. На основе обобщения работ А.И. Соловьева [Домрачев, 2016] и Т.В. Миллер [Миллер, 2016] выделены семь типов воздействия:

- Влияние – слабое воздействие, отсутствие ресурсных преимуществ (рекомендации, советы, предупреждения).
- Убеждение и манипулирование – трансформация ментальных структур, формирование необходимых символических картин мира через пропаганду, воспитание, идеологию.
- Контроль – мониторинг, предупреждение нежелательных последствий, страховочные и резервные механизмы.
- Регулирование – частичное видоизменение параметров объекта при сохранении его свободы; координация совместных действий.
- Управление – приведение объекта в соответствие с замыслами субъекта, использование технологий согласования интересов, признание определённой автономии управляемых.
- Властвование – принуждение, командование, доминирование, санкционирование

(правовое, административное, моральное).

- Антикризисные действия – деятельность в форс-мажорных обстоятельствах, побуждение самоорганизации, задействование неформальных механизмов.

Комбинация этих типов порождает конкретные виды государственной активности: государственная политика (долговременные цели), государственные программы (межведомственные проекты), отдельные акции (урегулирование конфликтов), управленческие действия в посткризисной ситуации.

В принятии государственных решений участвуют: политические лидеры (обеспечивают легитимность, общее руководство); выборные политики (создают предпосылки для превращения доктринальных планов в оперативные задачи); авторитетные общественные деятели (неформальное влияние); высшие государственные менеджеры (отраслевые руководители, «стратегические предприниматели»); карьерные чиновники (исполнители, предсказуемые и контролируемые); аналитики и эксперты (специализированная поддержка, конструирование проблем и альтернатив).

Особую роль в последние десятилетия приобрели экспертные сообщества – «фабрики мысли», университетские центры, профессиональные сети. По мнению А.Ю. Сунгурова [Миллер, 2016], они выступают посредниками между политиками-профессионалами и гражданским обществом, формируя компетентностный профиль общественного мнения и участвуя в разработке государственных стратегий. В России формами включения экспертов являются экспертные советы при органах исполнительной власти, общественные советы при министерствах, а также неформальные сетевые взаимодействия.

Институты в трактовке, предложенной Д. Нормом, – это «правила игры» в обществе, создающие ограничения для человеческого взаимодействия [Миллер, 2016]. Однако более продуктивно для анализа принятия решений определение Дж. Марча и Дж. Олсена: институты предлагают устойчивый набор правил и организованных практик, укоренённых в мышлении акторов и относительно устойчивых по отношению к меняющимся обстоятельствам. А. Аоки дополняет: институты – это самоподдерживаемые системы убеждения относительно того, как должно осуществляться взаимодействие при решении задач [Аоки, 2006].

В российской системе государственного управления институты выполняют двоякую роль. С одной стороны, они стабилизируют и упорядочивают кооперацию акторов, создают эффект «возрастающей отдачи» (Д. Норт): чем больше акторов следуют правилам, тем сильнее сами правила. С другой стороны, институты могут порождать институциональные трения между собой, а также подвергаться эрозии под влиянием неформальных практик. Зырянов и Лукин [Зырянов, Лукин, 2020] показывают, что формальные и неформальные институты в России часто вступают в конфликт, порождая гибридные конфигурации (например, «телефонное право» или «административный ресурс»).

Государство взаимодействует также с внешними контрагентами: устойчивыми партнёрами (бизнес-структуры, политические партии, СМИ, общественное мнение, международные организации), ассоциированными акторами (косвенно взаимодействующими) и акторами «по случаю». Стили взаимодействия варьируются от институционализированных (правительственные комиссии, парламентские слушания) до открытых, поливариативных.

Государство как субъект принятия решений обладает набором специфических воздействий, а институты являются каркасом целеполагания. Однако решающее влияние на реальный процесс оказывает не столько институциональный дизайн, сколько конфигурация акторов и ресурсов, включая латентные механизмы.

Принципиальным отличием государства является многоуровневый характер целеполагания.

Каждый уровень отражает особое пространство функционирования государства: комплекс однородных задач, определённый круг контрагентов, специфические акторы, нормы и деловые коммуникации. В науке существуют разные позиции по количеству уровней: Д. Зеркин выделяет политический и административный; В. Козбаненко – институциональный, административный и технологический; Г. Аллисон – политический, административный и организационный [Соловьев, 2009].

Классическая полемика началась ещё в XIX в. с работы В. Вильсона, который настаивал на строгом разделении политики и администрирования: «сфера государственного управления – это деловая сфера», находящаяся вне собственно политической сферы [Самарин, 2016]. Хотя в XX–XXI вв. эта идея была подвергнута обоснованной критике (политика и администрация переплетены), сама постановка вопроса о наличии разных логик принятия решений сохраняет эвристическую ценность.

Политический уровень связан с соотношением общественных сил, сохранением правящего режима, поддержанием суверенитета. Здесь доминируют следующие характеристики:

- Использование идеологических и доктринальных конструкций (концепции, мифы, символы).
- Применение методов маневрирования, торга, манипулирования, обещания уступок, скрытых угроз.
- Публичные формы власти (открытость обсуждения, влияние граждан на цели, контроль общества).

Три модели публичной коммуникации: односторонняя (директивная, преобладание государства), конструктивно-совещательная (постоянный диалог, соучастие), сингулярная (спорадические контакты, манипулирование).

Пример из российской практики: обсуждение поправок к Конституции 2020 года включало элементы конструктивно-совещательной модели (рабочая группа, общественные слушания), но итоговое решение принималось с явным доминированием государства. Другой пример – «майские указы» Президента РФ, которые проходили в Государственной Думе и Совете Федерации в форсированном порядке, с минимумом правок и высокой лояльностью депутатов.

На макроэкономическом уровне акценты смещаются с суверенитета и режима на экономический рост, увеличение ресурсного обеспечения, повышение благосостояния, интеграцию общества как социально-экономического целого. Основные характеристики:

- Отношения «управляющие – управляемые» вместо «властвующие – подвластные».
- Стимулирование поведения, мотивирование, а не прямое принуждение (кроме случаев нарушения законов).
- Главный актор – правительство (исполнительно-распорядительный орган), решающий задачи оптимального производства, распределения и перераспределения благ.

Три типа регуляторов: политические приоритеты, экономическая целесообразность, действующее законодательство.

В России ярким примером макроэкономического уровня является процесс принятия федерального бюджета, где сталкиваются политические установки (национальные проекты, оборонные расходы) и рациональные экономические расчёты (прогнозы Минэкономразвития, лимиты бюджетных правил). Непрофессионализм, ограниченность ресурсов и противоречивость законодательства часто сужают возможности государства для эффективных хозяйственно-перераспределительных решений.

Данный уровень обеспечивает функциональную связь между различными частями госаппарата, поддерживает внутри- и межведомственные процессы, документооборот,

служебные взаимодействия. Сюда же относятся прямые контакты органов власти с населением через многофункциональные центры, электронные сервисы, приёмы граждан. Основные элементы (по Т. Питерсу и Р. Уотерману): стратегия, процедуры управления, ценностные установки, навыки и умения чиновников, стиль управления, кадры, а также инструменты госрегулирования (служебные регламенты, нормы, инструкции, стандарты ответственности).

Главные регуляторы на этом уровне – служебные инструкции, деловые технологии, система профессиональных знаний, внутренние (этические) кодексы. Именно здесь происходит постепенная (инкрементальная) корректировка целей, спущенных с политического и макроэкономического уровней.

Между уровнями объективно существуют противоречия. М. Вебер отводил политикам доминирующую роль, а бюрократии – техническую. Реальность сложнее: бюрократия может саботировать политические решения, а политики – вмешиваться в оперативное управление. Как показывает И.М. Игнатенко [Игнатенко, 2015], в России длительное время сохраняется проблема перераспределения полномочий между федеральным центром и регионами, что порождает конфликты между политическими (Кремль, губернаторы) и административными (федеральные министерства, региональные департаменты) уровнями.

Возможные способы смягчения противоречий:

- Институционализация интенсивного взаимодействия политиков и высших чиновников.
- Более органичное разделение полномочий.
- Усиление ценностной интеграции системы управления.
- Снижение структурной раздробленности власти.
- Увеличение сроков выборности важнейших политических структур.
- Внедрение качественной оценки квалификации чиновничества.

Однако, как подчёркивает Соловьев [Игнатенко, 2015], эти меры не могут полностью устранить межуровневые противоречия. Политический, макроэкономический и организационно-административный уровни никогда не сольются в органически единый механизм.

Уровневая сегментация объективно присуща государственному управлению. Реальный процесс принятия решений всегда представляет собой компромисс между логикой политической целесообразности, экономической рациональности и административной рутинной.

Помимо публичных, формально регламентированных механизмов, в любом государстве существует латентное пространство принятия решений. А.И. Соловьев и Т.В. Миллер [Игнатенко, 2015] различают полутелевую и теневую сферы.

Полутелевая сфера основана на скрытых позициях персон, неформальных договорённостях, клиентелистских связях. Здесь публичные «правила игры» замещаются межличностной кооперацией и доверительными отношениями. Ключевой механизм – клиентелизм. Как отмечает К.В. Мельников [Игнатенко, 2015], клиентелистские отношения (патрон-клиент) особенно характерны для неопатримониальных режимов, к которым ряд исследователей относят современную Россию.

Функции полутеневой сферы:

- Компенсация недостатков официальных институтов (негибкости, медлительности).
- Оперативное соединение интересов правящих коалиций и конкретных групп.
- Снижение транзакционных издержек для контрагентов государства.
- Технологическая гибкость принятия решений в нестандартных ситуациях.

Однако полутеневая сфера порождает высокие издержки коллективного взаимодействия,

затрудняет агрегирование общегражданских интересов и создаёт условия для коррупции.

Теневая сфера отличается тем, что государственные статусы и административный капитал используются исключительно в интересах узких групп, с нарушением закона. Наиболее распространённая форма – коррупция: взятки, откаты, «распил» бюджетов, лоббизм через подкуп. Как показывают исследования [Хрипков, 2013], коррупция разлагает структуры власти, снижает качество целеполагания и подрывает доверие граждан к государству.

Источником теневизации являются субъективные факторы: наличие корпуса чиновников, ориентированных не на официальные нормы и не на групповые интересы (полутеневая лояльность), а на личное обогащение. В различных государствах объём этой части аппарата различен, но полностью искоренить его невозможно.

Важный теоретический вывод заключается в том, что латентные механизмы не являются простым отклонением или патологией. Они неперенный спутник выполнения конкретных задач. По мнению А.Е. Конькова [Хрипков, 2013], публичная политика всегда существует в особом взаимодействии с латентными механизмами, образуя континуум от полностью открытых до полностью скрытых практик. При этом полутеневая сфера может быть объективно выгодна и государству (как способ быстрой координации), и контрагентам (меньше издержек, чем в публичных коммуникациях).

Задача науки и практики – не наивная борьба с латентными механизмами, а минимизация их негативных эффектов (коррупция, nepотизм, неэффективное распределение ресурсов) через повышение качества правящей элиты, усиление гражданского контроля и транспарентности.

Латентные механизмы принятия решений являются неустраняемым элементом российской (и любой иной) системы государственного управления. Анализ должен фиксировать не только публичные процедуры, но и неформальные договорённости, клиентелистские сети, объёмы и структуру теневых практик.

Обобщая дискуссию, можно представить различия политических и управленческих решений в виде таблицы (таблица 1), в основу которой положены работы А.И. Соловьева [Хрипков, 2013], Т.В. Миллер [Миллер, 2016] и сравнительный анализ зарубежных подходов.

Таблица 1 – Различия основных параметров политической и управленческой подсистем в механизме принятия государственных решений

Параметр	Политика	Управление
Основные акторы	Властвующие / подвластные	Управляющие / управляемые
Характер взаимодействия	Конкуренция за власть, профессиональная ролевая деятельность, идеологическая и персональная солидарность	Иерархическая субординация, сетевые, рыночные взаимосвязи
Способы и технологии воздействия на объект	Руководство, манипулирование, торг (сделка), игра, ролевое отправление функций	Администрирование, арбитраж, контроль, надзор
Регуляторы взаимодействия	Морально-этические, идеологические ценности, коммерческий интерес, коалиционные договорённости, профессиональные цели	Политические инвективы, законы, нормы и правила служебной деятельности, корпоративные кодексы, правила административной логистики

В реальной практике политика и управление взаимодействуют контекстуально. Возможны переходные способы целеполагания:

- Проектно-аналитические – используются для выработки стратегий, планов, определения направлений развития (сочетают политическое целеполагание и управленческую калькуляцию ресурсов).

- Политико-административные – раскрывают процесс повседневной реализации и корректировки целей государственной политики, особенно в условиях бюджетного процесса, исполнения «дорожных карт» и национальных проектов.
- Антикризисные – в условиях форс-мажора (пандемия, санкции, военные конфликты) политические методы (мобилизация, риторика) сливаются с управленческими (введение чрезвычайных положений, перераспределение ресурсов в ручном режиме).

Оценка результативности политико-административных решений требует учёта как политических, так и управленческих критериев. Основные механизмы оценивания: политические (выборы, отставки), административные (ведомственный аудит), судебные (обжалование), экономические (бюджетная эффективность) и экспертные (научные). Каждый тип имеет свои ограничения. В России последние годы активно внедряется система оценки регулирующего воздействия (ОРВ) и фактического воздействия (ОФВ), однако она по-прежнему слабо учитывает политические риски и латентные эффекты.

Методологически корректный анализ принятия решений в РФ должен одновременно фиксировать принадлежность решения к политическому или управленческому типу (или их гибриду), а также оценивать его эффективность по разнородным, порой конфликтующим критериям (стабильность режима, экономическая выгода, социальная справедливость, законность).

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько дискуссионных положений, требующих дальнейшего изучения.

Первое. Несмотря на обилие теоретических моделей, остаётся нерешённой проблема измерения влияния латентных механизмов на итоговое качество решений. Необходимы эмпирические исследования, построенные на сочетании методов социологических опросов чиновников, углублённых интервью с экспертами и анализа коррупционных расследований.

Второе. Уровневая модель должна быть дополнена темпоральным измерением. Как показано Д.В. Домрачевым [Домрачев, 2016], одни решения принимаются в форсированном режиме (например, реакция на санкции 2022 года), другие – затягиваются на годы (реформа местного самоуправления). Факторы времени, сроков полномочий, электоральных циклов пока недостаточно интегрированы в теорию.

Третье. Цифровая трансформация государственного управления (платформа «ГосТех», электронный документооборот, ИИ-помощники) создаёт новые возможности и вызовы. С одной стороны, цифровизация повышает прозрачность, снижает роль латентных механизмов. С другой – порождает новые формы контроля и цифрового клиентелизма. Этот аспект требует отдельной теоретической разработки.

Четвертое (прикладное). Для российской системы целесообразно развитие публично-частного партнёрства в принятии решений – не только в экономике, но и в нормотворчестве (расширение механизмов краудсорсинга, общественной экспертизы, законодательной инициативы граждан). Это позволит снизить дефицит легитимности и компенсировать издержки латентных механизмов.

Заключение

Проведённое исследование теоретико-методологических аспектов принятия политико-административных решений в Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы.

Методологический плюрализм является объективной характеристикой данной предметной области. Теория принятия государственных решений интегрирует подходы политологии,

теории управления, права, экономики и психологии. Попытки создать унифицированную «всеохватывающую» теорию нереалистичны; продуктивный путь – разработка контекстуальных моделей, адаптированных к типу политического режима, отраслевой специфике и стадии управленческого цикла.

Государство как субъект принятия решений обладает семью формами воздействия (влияние, убеждение, контроль, регулирование, управление, властвование, антикризисные действия). Ключевыми акторами являются не только формальные институты и должностные лица, но и экспертные сообщества, которые всё активнее влияют на формирование повестки и оценку альтернатив.

Уровневая сегментация (политический, макроэкономический, организационно-административный уровни) объективно присуща государству и не может быть устранена. Между уровнями неизбежны противоречия, которые смягчаются, но не снимаются полностью. Любое крупное государственное решение – это компромисс между политической целесообразностью, экономической рациональностью и административной реализуемостью.

Латентные механизмы (полутелевые и теневые) являются неотъемлемой частью российской системы принятия решений. Они выполняют компенсаторную функцию (гибкость, скорость), но создают риски коррупции и снижения общественного доверия. Их полное искоренение невозможно, однако возможна минимизация негативных эффектов путём повышения прозрачности, гражданского контроля и качества элит.

Методологическое различие политических и управленческих решений необходимо для корректного анализа. В реальной практике доминируют гибридные формы (проектно-аналитические, политико-административные), требующие комплексной оценки по политическим, экономическим, правовым и социальным критериям.

Статья может служить теоретической основой для дальнейших эмпирических исследований механизмов принятия решений в конкретных отраслях (оборонная, социальная, экономическая политика), а также для разработки управленческих рекомендаций по повышению эффективности и прозрачности государственного управления в России.

Библиография

1. Аоки А. Верховенство права и развитие переходной экономики // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 2. С. 131-146.
2. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: учебное пособие. М.: КДУ, 2004. 416 с.
3. Домрачев Д.В. Методологические проблемы теории принятия государственных решений // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 2. С. 3-10.
4. Дрор И. Теория государственных решений // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 2004. С. 451-482.
5. Зырянов С.Г., Лукин А.Н. Роль формальных и неформальных институтов в развитии общества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 7-18.
6. Игнатенко И.М. Современный этап перераспределения полномочий между федеральным центром и регионами России // Вестник ПАГС. 2015. № 3 (48). С. 54-60.
7. Коньков А.Е. Латентное пространство публичной политики в современном государстве: в поисках теоретической модели. М.: Аргмак-Медиа, 2022. 222 с.
8. Мельников К.В. Клиентелизм как определяющая черта неопатримониальных режимов // Вопросы управления. 2017. № 1 (44). С. 71-78.
9. Миллер Т.В. Латентные механизмы и практики принятия политических решений // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 33-36.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
11. Самарин Я.В. Концепция целей и функций правительства в политической теории Вудро Вильсона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2016. № 1. С. 73-84.

12. Соловьев А.И. Принятие государственных решений: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2006. 344 с.
13. Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений. М.: КноРус, 2009. 344 с.
14. Соловьев А.И., Миллер Т.В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 212-232.
15. Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. 2015. № 3. С. 53-70.
16. Хрипков М.П. Теневая экономика и коррупция // Финансы: теория и практика. 2013. № 2. С. 98-103.

Theoretical and Methodological Aspects of Political-Administrative Decision-Making in the Russian Federation

Evgenii M. Mel'nikov

Postgraduate Student,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: melproject@mail.ru

Abstract

The article systematizes theoretical and methodological approaches to the study of political-administrative decision-making in the Russian Federation. It is substantiated that the theory of public decision-making is interdisciplinary in nature, integrating the provisions of political science, management theory, law, and economics. It is shown that the absence of a unified methodology is conditioned by the applied nature of the object. Seven forms of state influence on the objects of management (from influence to anti-crisis actions) are identified. The level structure of goal-setting is disclosed: political, macroeconomic, and organizational-administrative levels. For the first time within the framework of the article, latent (semi-shadow and shadow) decision-making mechanisms in the Russian public administration system are summarized, and their functions and risks are revealed. A comparative table of the differences between the political and managerial subsystems is proposed. A conclusion is drawn on the need to combine institutional, network, and temporal analyses for an adequate description of Russian practice.

For citation

Mel'nikov E.M. (2026) *Teoretiko-metodologicheskie aspekty prinyatiya politiko-administrativnykh resheniy v Rossiyskoy Federatsii* [Theoretical and Methodological Aspects of Political-Administrative Decision-Making in the Russian Federation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 78-88. DOI: 10.34670/AR.2026.59.88.009

Keywords

Public decision-making, political-administrative decisions, levels of decision-making, latent mechanisms, institutions, public policy, public administration, Russian Federation, research methodology, risk management.

References

1. Aoki, A. (2006). Verkhovenstvo prava i razvitiye perekhodnoy ekonomiki [The rule of law and the development of a transition economy]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta*, 4(2), 131-146.
2. Degtyarev, A. A. (2004). Prinyatiye politicheskikh resheniy: uchebnoye posobiye [Political decision-making: A textbook]. KDU.
3. Domrachev, D. V. (2016). Metodologicheskiye problemy teorii prinyatiya gosudarstvennykh resheniy [Methodological problems in the theory of state decision-making]. *Izvestiya vuzov. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, (2), 3-10.
4. Dror, I. (2004). Teoriya gosudarstvennykh resheniy [Theory of government decisions]. In *Politicheskaya nauka: novyye napravleniya* (pp. 451-482). Veche.
5. Ignatenko, I. M. (2015). Sovremennyy etap pereraspredeleniya polnomochiy mezhdru federal'nym tsentrom i regionami Rossii [The contemporary stage of power redistribution between the federal center and Russia's regions]. *Vestnik PAPS*, (3), 54-60.
6. Konkov, A. E. (2022). Latentnoye prostranstvo publichnoy politiki v sovremennom gosudarstve: v poiskakh teoreticheskoy modeli [The latent space of public policy in the modern state: In search of a theoretical model]. *Argamak-Media*.
7. Melnikov, K. V. (2017). Klientelizm kak opredelyayushchaya cherta neopatrimonial'nykh rezhimov [Clientelism as a defining feature of neo-patrimonial regimes]. *Voprosy upravleniya*, (1), 71-78.
8. Miller, T. V. (2016). Latentnyye mekhanizmy i praktiki prinyatiya politicheskikh resheniy [Latent mechanisms and practices of political decision-making]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki*, (4), 33-36.
9. North, D. (1997). Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki [Institutions, institutional change and economic performance]. *Nachala Economic Book Foundation*.
10. Samarin, Y. V. (2016). Kontseptsiya tseley i funktsiy pravitel'stva v politicheskoy teorii Vudro Vil'sona [The concept of government goals and functions in the political theory of Woodrow Wilson]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, (1), 73-84.
11. Solovyev, A. I. (2006). Prinyatiye gosudarstvennykh resheniy: uchebnoye posobiye [State decision-making: A study guide] (2nd ed.). KNORUS.
12. Solovyev, A. I. (2009). Prinyatiye i ispolneniye gosudarstvennykh resheniy [The making and implementation of state decisions]. KNORUS.
13. Solovyev, A. I., & Miller, T. V. (2017). Latentnaya sfera politiki: versiya teoreticheskoy identifikatsii [The latent sphere of politics: A theoretical identification]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, (63), 212-232.
14. Sungurov, A. Y. (2015). Ekspertnyye soobshchestva i vlast': modeli vzaimodeystviya, osnovnyye funktsii i usloviya ikh realizatsii [Expert communities and power: Models of interaction, key functions, and conditions for their realization]. *Politicheskaya nauka*, (3), 53-70.
15. Khripkov, M. P. (2013). Tenevaya ekonomika i korruptsiya [The shadow economy and corruption]. *Finansy: teoriya i praktika*, (2), 98-103.
16. Zyryanov, S. G., & Lukin, A. N. (2020). Rol' formal'nykh i neformal'nykh institutov v razvitii obshchestva [The role of formal and informal institutions in societal development]. *Sotsium i vlast*, (2), 7-18.